

Лу Чжэнь ненадолго замолчал, прежде чем последовать за ним. — Я остановил тебя сегодня не для того, чтобы ты смирился с обидой, а чтобы ты не ввязывался в перепалку и не пострадал. Я обязательно восстановлю справедливость, только не сердись.

Он подумал, что Цзи Жань сердится, раз даже не смотрит на него и почти не говорит.

— Я не сержусь, просто... — Цзи Жань вздохнул. — Просто тошно.

И правда, тошно: взрослый мужчина терпит такие мелочные обиды, словно сварливая баба. Сыт по горло.

Вернувшись в главную комнату, Цзи Жань вновь озарил лицо ослепительной улыбкой и протянул старосте кувшин вина.

— Сегодняшнее дело — спасибо вам, господин староста, за вашу беспристрастность. У меня нет ничего ценного, это рисовое вино я купил на рынке, лишь в знак уважения. Надеюсь, не сочтёте за хулу.

— Ох! — Староста, застигнутый врасплох, принял кувшин и поспешно встал, делая вид, что отказывается. — Не стоит, не стоит...

— Господин староста, примите, пожалуйста. Впредь мне ещё понадобится ваша помощь, буду надеяться на ваше содействие, — сказал Цзи Жань.

После таких слов старосте уже не оставалось ничего, кроме как пробормотать пару вежливых слов и принять подарок.

Проводив старосту, Цзи Жань постоял у ворот, собрался было вернуться, как вдруг Лу Цзымин стремительно вбежал во двор, таща за собой лекаря. Увидев Цзи Жаня, мальчишка снова зло сверкнул глазами, а проходя мимо, нарочно фыркнул и наступил ему на ногу.

Наступив, Лу Цзымин тут же потащил лекаря внутрь. Цзи Жань поморщился от боли, но с ребёнком связываться не стал, лишь вздохнул и повернул назад. В душе он отлично понимал: с этой травмой Лу Чанцина ещё будут проблемы. Хотя он сам себя покалечил, но если бы семья Лу была разумной, она бы не была семьёй Лу.

От таких мыслей у него заныла голова. Чёрт побери, как же это достало!

Цзи Жань оказался прав. Едва он разложил купленные вещи, как появилась Гао Хуэй с глазами, красными и опухшими, как у кролика. Войдя, она не проронила ни слова, лишь слёзы ручьём полились по её лицу, покрытому синяками и ссадинами, — зрелище и вправду жалкое.

— Старшая невестка, я знаю, наш Чанцин неправ, но... — Гао Хуэй произнесла полфразы и снова уткнулась в платок, заголосив.

— Говори прямо, зачем пришла? — Цзи Жань, раздражённый её плачем, не выдержал. — И, кстати, зови меня просто Цзи Жань.

Ему, мужчине, было тошно от обращений «старшая невестка». Тогда было не до того, но сейчас незачем продолжать себя мучить.

— Чанцин тяжело ранен, голова разбита. Лекарь Фань — просто деревенский врач, с мелкими болячками ещё справится, а с серьёзными — бессилён. Он советует везти в городскую

лечебницу, но мы, бедные, разве можем себе такое позволить? У меня просто нет выхода, — рыдала Гао Хуэй, захлёбываясь. — Чанцин — негодяй, но он отец моего ребёнка. Наша семья не может без него. Старшая... Цзи Жань, сегодня виновата семья Лу, виноват Чанцин. Я здесь, чтобы за него извиниться и просить прощения. Пожалуйста, ради того, что мы всё же семья, помоги нам, умоляю тебя!

С этими словами Гао Хуэй вдруг плюхнулась на колени перед Цзи Жанем, рыдая так, что, казалось, вот-вот задохнётся.

Цзи Жань отшатнулся в сторону и смотрел на неё, хмурясь.

Он всё понял: Гао Хуэй, ходя вокруг да около, выпрашивала у него деньги.

Он и ожидал, что с Лу Чанцином не покончено, думал, начнётся очередной спектакль с воплями и угрозами. Но на этот раз вместо старухи Лу явилась Гао Хуэй.

Надо признать, что по сравнению с остальными членами семьи Лу, Гао Хуэй, казавшаяся тихоней, оказалась куда искуснее. В отличие от их грубого грабежа, её слёзы, коленапреклонение и униженные просьбы выглядели куда более беззащитными.

Цзи Жань... Цзи Жаня уже почти вымотали, но в принципиальных вопросах он никогда не уступал. Нет никакого смысла в том, что кто-то, замахнувшийся на тебя табуретом, поранил себя, а ты, жертва, чудом избежавшая беды, должен за это платить. Он не святой, и его великодушия на это не хватит!

— Как ты хочешь, чтобы я помог? — Цзи Жань посмотрел на Гао Хуэй сверху вниз. — Силами или деньгами?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Силами — я сегодня только что пережил потрясение, руки-ноги до сих пор ватные. У Чанцина есть братья и семья, я вряд ли понадобится. Что до денег — как всем известно, я сирота, без отца и матери, а приданое моё — три поношенных платья. Даже узел с вещами весь в заплатках. Думаешь, я могу помочь вам деньгами? Не мучай меня, лучше вставай и ищи другие пути. Если упустишь лучшее время для лечения, потом будешь кусать локти.

Гао Хуэй на мгновение опешила, лицо её застыло, но она быстро взяла себя в руки и снова запричитала:

— Цзи Жань, я знаю, ты злишься. Кто бы на твоём месте не злился? Это грех семьи Лу. Мой муж, в сущности, не злой, просто слишком послушный, не может противиться наговорам свекрови. К братьям он искренне привязан, а сегодня... В общем, это наша вина. Прости его, пожалуйста, я...

— Кажется, ты не поняла моих слов, поэтому скажу прямо: денег у меня нет, помочь не смогу, — Цзи Жань, не желая слушать её причитаний, резко прервал.

Гао Хуэй умоляла, стояла на коленях, истощила весь запас красноречия, но Цзи Жань оставался непоколебим. Лицо её изменилось, она вытерла слёзы и поднялась.

— Цзи Жань, я и не думала, что ты такой бессердечный, — Гао Хуэй гневно уставилась на него, словно он причинил ей невероятную обиду. — Да, семья Лу обидела тебя, ты пострадал, но я, Гао Хуэй, ни разу не вмешивалась, даже заступалась за тебя и получила побои. Разве этого

недостаточно, чтобы попросить у тебя одолжения? У моего мужа есть недостатки, но я извинилась перед тобой на коленях. В таком жизненно важном деле разве ты не можешь отбросить обиды ради того, что я за тебя заступилась? Я не прошу подачки, я прошу в долг, верну, как только смогу. Неужели я могу просто смотреть, как мой муж умирает? Умоляю тебя!

Слова Гао Хуэй были очень искусны. Будь Цзи Жань богачом — ещё куда ни шло, но он не богач. Её просьба о помощи была лишь завуалированным давлением с целью вытянуть деньги.

С этой точки зрения, по сравнению с грубостью семьи Лу, Гао Хуэй была умнее.

Окажись на его месте другой, возможно, она бы и добилась своего. Но она столкнулась с Цзи Жанем. Цзи Жань, оставшись сиротой в детстве, без отца и матери, не раз терпел издевательства. Если бы не его твёрдый характер, он бы не вырос и не преуспел в учёбе. Поэтому он никогда не был тем, кто легко уступает — ни перед мягкостью, ни перед грубостью. Принципы — есть принципы.

То, что Гао Хуэй из-за него отхватила побои, — несправедливо, и он был благодарен. Но это одно. Долг можно вернуть когда угодно. А вот с Лу Чанцином... если бы не Лу Чжэнь, пострадал бы он сам. Это была его собственная вина. Воздавать добром за зло — удел святых, а Цзи Жань святым не был. Сделай он сегодня такую глупость, его тут же сочли бы слабаком и стали бы доить. В этом мире полно жадных и ненасытных рож, особенно в семье Лу, которая явно не отличалась добротой.

— Денег у меня и вправду нет, — сказал Цзи Жань с бедственным видом.

Гао Хуэй молчала и плакала.

<http://bllate.org/book/16271/1464316>